

Конечно, под Новый год хочется услышать веселое слово, добрую шутку даже от такого серьезного, обремененного большо-ой ответственностью человека, как художественный руководитель такого Большого театра Владимир Васильев. Ведь все-таки Владимир Викторович не только администратор (впрочем, кто сказал, что администраторам улыбаться противопоказано?), но и, главное, — большо-ой артист. Однако даже его не сразу удалось «растопить».

такой степени увлечет работа моих коллег, тех, кто рядом со мной. Я получаю несказанное удовольствие от того, что ребята выступают хорошо, что планы наши пока не расходятся с реальностью. Я радуюсь каждому успеху нашего огромного коллектива и воспринимаю его, уж простите за самонадеянность, и как свой собственный успех. Мне

Вот, пожалуй, чего бы я нам всем — и читателям «Труда» тоже — пожелал: чтобы талант каждого (а у каждого есть талант к какому-нибудь доброму делу) нашел себе достойное применение. И за это, право, стоит поднять еще один тост в новогоднюю ночь.

Вел беседу Сергей БИРЮКОВ.
Фото Елены ФETISOVOЙ.

МОЙ

ДОМ — БОЛЬШОЙ

— Право, сегодня не до шуток, — устало начал худрук. — Вот сдали «Ромео и Джульетту», «Лючию ди Ламмермур», недавно показали камерный балет «Танцы Возрождения». Уже появились первые отзывы, с интересом знакомлюсь.

— Стало быть, уважаете прессу?

— Да куда ж без нее. Правда, такое порой понапишут... Ну не вы конкретно, с «Трудом» отношения вроде бы нормальные, и принципиальные и дружеские. А вот другие... То распишут в красках неуспех какой-нибудь труппы, лихо странствующей по миру под флагом «Звезды Большого балета» (а она к Большому — никакого отношения), то выдумают, что Васильев, мол, не только спектакли собирает ставить, но вот-вот за дирижерский пульт сам встанет, а может, чего доброго, еще и запоет.

— Ну, Владимир Викторович, не надо принимать все так близко к сердцу. Журналист — он ведь тоже в каком-то смысле актер, на публику работает. А лучше вспомните-ка Пушкина: «Хвалу и клевету приемли равнодушно...» Или хотя бы: «Сказка ложь, да в ней намек».

— Это вы к чему?

— Ну Новый год же на носу, сказочное время. А вы, поди, за своей артистический век сколькими сказочными персонажами перебивали! Наверное, только Деда Мороза не изображали...

— Нет, отчего же, доводилось. Например, на прошлогоднем вручении премии «Триумф». Правда, я там всего лишь заменил не явившегося вовремя Олега Табакова. Но успех, говорят, был.

— Вот видите. А если взять одну из ваших коронных балетных партий — Щелкунчика? Через какие только препятствия не пришлось ему пройти — и все же любовь и верность друзей помогли все преодолеть.

Доблестный Щелкунчик, предводитель кукольного царства, храбро бьется в темной комнате со зловредным мышинным воинством. Но силы неравны, противные мыши вот-вот загрызут хрябца. И тут девочка Маша, хозяйка кукол, всем сердцем болеющая за своего любимца Щелкунчика, снимает с ноги туфельку и что есть силы бросает ее в страшного мышинного короля. Куклы спасены, мыши обращены в бегство. Щелкунчик оборачивается прекрасным принцем и ведет свою избранницу в сказочную страну Конфитюрбург...

— Чувствую, к чему вы клоните. Хотите услышать от меня пожелание, чтобы весь следующий год прошел как замечательная сказка, как дивный сон, чтобы исполнились самые заветные желания? Конечно, я за это. Только давайте не дремать — грезы грезами, а дело — оно наяву делается!

— Само собой. А бывает так, чтобы тот «жизненный» опыт, который вы получили на сцене, вам помогал в реальности? Например, в том же «Щелкунчике» дается простой рецепт, как победить врага: в него бросается туфелька...

— Не знаю, не задумывался. Всякое бывало, но туфлями я не стучал и не швырялся. В меня, слава Богу, тоже.

— Я, собственно, о другом. Все знают, что вашу принцессу зовут Екатерина Сергеевна Максимова. Не случилось ей

Владимир
Васильев:

вас выручать из вполне реальной беды — когда уж никто, кажется, и помочь не может?

— Ну она-то постоянно меня выручает. Каждый день. Просто тем, что есть на этом свете и что рядом со мной — милый, добрый, нежный, любящий человек. Это и дает мне силу.

— Вы, конечно, встречаете праздник вместе?

— Разумеется. С ней и с друзьями тоже. С теми, которые «самые-самые» и с возрастом становятся все дороже. Компания будет небольшая, соберемся, наверное, на даче: чтобы рядом был настоящий новогодний лес, над головой — новогодние звезды...

— И поднимете тост — за что?

— У нас два постоянных тоста. Первый — за год уходящий и за все то хорошее, что в нем было. Никогда не вспоминаем в эту ночь плохое. А второй — за то, что мы есть друг у друга.

— И что же хорошее вспоминается на этот раз?

— Мне, наверное, вспомнится чудесное (но такое короткое!) летнее время, когда я принадлежал себе... В молодости думал: еще немного, еще чуть-чуть — и ты уже полный хозяин своей судьбы, делаешь только то, чего желает твоя душа... Увы, увы. Эта благословенная пора так и не приходит. Конечно, работа — это хорошо, без нее нельзя жить, как нельзя жить без воздуха. Однако не могу сказать, что в чисто творческом отношении последний год был лично для меня таким уж результативным. Но он же принес нежданную радость: я, честно признаюсь, не думал, что меня до

даже кажется, что случись, не дай Бог, в стране что-нибудь ужасное: вновь опустят «железный занавес», начнут насильственно вводить былые единомыслие, — работа в этих стенах даст силы стерпеть самые жестокие испытания. По крайней мере нынешний сезон в театре я обязательно доведу. Хотя не скрою: часто внутренний голос этак «подначивает»: да чего ты бьешься, как рыба об лед, если люди обещают и обманывают, клянутся и опять врут? Уйди, ведь у тебя же тысячи своих собственных планов. Не могу уйти. Большой театр — мой дом. Вот сегодня вы видели здесь всех нас вместе — и ветеранов того, прежнего «Ромео» сорокалетней давности. Они — мои предшественники. Молодежь из «Ромео» нынешнего, возобновленного, они — наши преемники. Три поколения, но мы — одна семья, потому что живем одной любовью: Театром, его атмосферой, его традициями.

— Итак, можно сказать, что Мышиного короля, в чье царство мы, если верить календарям, отныне вступаем, вы не боитесь? Или все-таки от него стоит ждать всяких подлостей и туфелька, так счастливо избавившая вас от врага в «Щелкунчике», может вновь пригодиться?

— Знаете, самое главное — что скрывается за маской Мышиного короля. В жизни ведь все часто сложнее, чем в театре, у сущего монстра может быть не три, а только одна, и вполне благообразная, человечья на вид голова. Так что, собственно, я и не знаю, кого бояться. Может, так оно и к лучшему. И еще: когда ты по горло занят конкретным делом, бояться просто некогда. Все мысли, все физические силы направлены на одно — на твою профессию. Сколько бед идет от того, что люди не востребованы, их эмоции не разряжены, энергии негде выплеснуться — и она уходит в дрязги, если не во что-нибудь похуже.



Труд - 1995. 30 дек. - с. 8